

ПО ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПЕРВОХРИСТИАНСКОЙ ИЕРАРХИИ.

На вопросъ: откуда ведетъ свое начало іерархія христіанской церкви, кратко и ясно отвѣчаютъ намъ такъ: „отъ самого Іисуса Христа и отъ сошествія на апостоловъ св. Духа и съ тѣхъ поръ непрерывно продолжается чрезъ преемственное рукоположеніе въ таинства священства“. Разумѣется, съ высшей догматической точки зрѣнія все, что происходитъ въ церкви великаго и святаго—все это совершается Христомъ и св. Духомъ. Но на самомъ дѣлѣ удовлетворить ли кого либо тотъ отвѣтъ о происхожденіи іерархіи, который мы привели? Христосъ іерархіи не организовалъ: апостоловъ, вѣдь, никто не назоветъ іерархами христіанской церкви; а что касается дня пятидесятницы, въ которую сошелъ Духъ Св., то ни въ этотъ день и ни вскорѣ послѣ него устройства іерархіи произведено не было. Очень интересно: чѣмъ думаютъ доказать мысль о такомъ происхожденіи іерархіи, какая выражена въ приведенномъ отвѣтѣ? Единственно слѣдующими словами ап. Павла: „Онъ (т. е. Іис. Хр.) поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова“ (Ефес. 4, 11—12). Спрашивается: гдѣ же здѣсь указаніе на іерархію, какъ ее обыкновенно понимаютъ? Здѣсь исчисляются такія лица, которыхъ никто не причислялъ и не причисляетъ къ лицамъ іерархическимъ. „Апостолы, пророки, евангелисты, учителя“—что же это за іерархи? Развѣ существовала когда нибудь церковь, которая управлялась

бы всѣми этими лицами въ качествѣ членовъ іерархіи въ точномъ смыслѣ этого слова? Правда, въ числѣ предстоятелей церкви въ указанномъ мѣстѣ ап. Павла упомянуты: „пастыри“. Допустимъ, что здѣсь разумѣется какой-либо классъ іерархическихъ лицъ, напр., хоть епископы. Но въ такомъ случаѣ кто можетъ указать и разъяснить, какимъ іерархическимъ чинамъ соотвѣтствуютъ упоминаемые Павломъ: „апостолы, пророки, евангелисты, учителя“?—Да и сколько же послѣ этого слѣдуетъ насчитывать степеней іерархіи и какія онѣ? Изъ такого памятника, какъ *Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων*, и изъ литературы о немъ мы знаемъ, что апостолы, пророки и учителя, о которыхъ упоминаетъ Павелъ и къ разряду которыхъ должны быть причисляемы и „евангелисты“, къ іерархическимъ лицамъ не принадлежали и носили на себѣ такъ называемыя свободныя служенія. Правда, ихъ нельзя признавать и простыми мірянами, заурядными христианами: они шли рука объ руку съ правящими классами церковнаго общества; но все же они не брали на себя обязательства служить извѣстной опредѣленной церковной общинѣ, что входитъ въ понятіе іерархическаго лица — и потому не могли быть этими послѣдними. — Въ разбираемомъ нами „отвѣтъ“ большой вѣсъ въ вопросѣ объ іерархіи дается „преемственному рукоположенію въ таинствѣ священства“. Не будемъ пускаться въ разсмотрѣніе вопроса: какой смыслъ имѣло рукоположеніе въ древности; скажемъ одно: тѣмъ текстомъ изъ посланія Павлова, которымъ аргументируется разбираемый „отвѣтъ“, и въ которомъ рѣчь идетъ главнымъ образомъ о харизматическихъ учителяхъ, совершенно исключается „преемственное рукоположеніе“, ибо, за очень рѣдкими случаями, харизматическіе учителя ни кѣмъ не избирались и ни отъ кого не получали рукоположенія. Они были убѣждены, что избиралъ ихъ и управлялъ ими невидимо самъ Духъ святый. Вообще мы должны прямо сказать, что вышеуказанный текстъ изъ посланія къ Ефесянамъ о началѣ или происхожденіи іерархіи ничего не говоритъ и не можетъ быть утилизовавъ въ интересахъ этого вопроса.

Разрѣшить вопросъ о происхожденіи іерархіи поможетъ намъ лишь историческая перспектива, хотя и въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ обольщать себя слишкомъ большими надеждами. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ „догматиче-

скаго“ пониманія даннаго вопроса заключается въ утверженіи, что іерархія создавалась, сформировалась и опредѣлилась еще въ вѣкъ апостольскій, такъ что послѣдующимъ вѣкамъ оставалось только утилизировать готовое достояніе, не прилагая никакихъ особыхъ трудовъ и заботъ. Не часто можно встрѣчать представленіе столь неосновательное, какъ это. Въ исторіи ничего не происходитъ экспромптомъ. Законы исторіи проявили свою силу и въ настоящемъ случаѣ.

Начнемъ съ епископата. Апостола Іакова обыкновенно называютъ первымъ іерусалимскимъ епископомъ, но съ этимъ наименованіемъ несправедливо соединять мысль, что въ Іерусалимѣ раньше, чѣмъ гдѣ-либо возникъ епископатъ и что отсюда это установленіе перешло въ другія страны и церкви. Іакова мы именуемъ епископомъ, примѣняясь къ позднѣйшему словоупотребленію. На самомъ же дѣлѣ, онъ былъ епископомъ іерусалимскимъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ ап. Петръ считается первымъ епископомъ римскимъ. Онъ былъ организаторомъ іерусалимской церкви, какимъ считается и апостоль Петръ для римской церкви, если только сказаніе о его продолжительномъ пребываніи въ столицѣ не есть легенда. Іаковъ нигдѣ въ апостольскихъ писаніяхъ не именуется епископомъ: да онъ и не былъ епископомъ въ позднѣйшемъ смыслѣ слова; онъ сталъ во главѣ общины не по избранію отъ своей церкви (избраніе—характеристическая черта епископской должности), а единственно потому, что онъ былъ „братъ Господень“ по плоти. Примѣръ дѣятельности Іакова не имѣлъ никакого вліянія на появленіе и развитіе епископата. Указаніе на должность епископа встрѣчается только въ посланіяхъ Павла къ церквамъ и лицамъ, находившимся среди христіанскаго общества въ языческомъ мірѣ (Филипп., 1, 1; въ пастырскихъ посланіяхъ), или же въ его рѣчахъ, обращенныхъ къ епископамъ языческихъ мѣстностей (Дѣян. 20, 28). Къ сожалѣнію, мы не обладаемъ никакими фактическими данными для разъясненія вопроса о происхожденіи епископата. Приходится прибѣгнуть къ предположеніямъ. Вѣроятно, дѣло происходило довольно просто. Образовалась, положимъ, какая либо христіанская община. Нуженъ былъ руководитель для нея. Апостоль Христовъ или какой либо другой „евангелистъ“ предоставлялъ общинѣ выбрать изъ

числа обращенныхъ предстоятеля, руководителя и управителя—и вотъ появлялся руководитель общины, который потомъ, подобно прочимъ своимъ собратіямъ, получилъ имя епископа — названіе это не новое: оно встрѣчалось въ языческомъ мірѣ ¹⁾. Епископъ долженъ былъ въ воспоминаніе послѣдней Христовой вечери совершать евхаристію, т. е. литургію (она, вѣроятно, на первыхъ порахъ совершалась только во дни воскресные); крестилъ новообращенныхъ; онъ возбуждалъ паству къ жертвованіямъ и раздавалъ ихъ бѣднымъ, страждущимъ, странникамъ, не исключая харизматическихъ пророковъ; входилъ въ сношенія съ другими церквами. Вообще онъ являлся лицомъ административнымъ въ общинѣ. Но его положеніе заставляло еще желать многого, чтобы стоять во главѣ общины. И дѣйствительно, епископы, на ихъ счастье, вслѣдствіе хода исторической жизни, не остались на той ступени, на какой они стояли сначала. Они стали возрастать въ своемъ авторитетѣ по сравненію съ болѣе раннимъ положеніемъ. Но они возвысились не во всѣхъ мѣстахъ христіанскаго міра одновременно: въ однихъ церквахъ возвышеніе епископовъ произошло раньше, въ другихъ позже (первое встрѣчаемъ въ Малой Азіи, Сиріи, а второе въ Египтѣ и на Западѣ). Тѣмъ не менѣе въ срединѣ II вѣка или нѣсколько позднѣе этотъ фактъ сталъ несомнѣннымъ достояніемъ исторіи: всѣ епископы этой эпохи возросли въ своемъ значеніи. Такое возвышеніе епископата совершилось не путемъ какой нибудь узурпаціи и не было плодомъ какихъ либо деспотическихъ стремленій, какъ утверждаютъ иногда протестантскіе теологи, не долюбивающіе епископскій институтъ. Ничего такого не замѣчается. Дѣло происходило на почвѣ строгой законности и съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ. Кончили жизнь, переселились въ вѣчность люди, которые оставили послѣ себя богатое наслѣдство. Прямыхъ наслѣдниковъ не оказалось. За отсутствіемъ ближайшихъ родственниковъ, наслѣдство по закону перешло къ боковой линіи. А такую боковую линію и оказались епископы. Они получили наслѣдство. Вотъ и все... Такой па-

¹⁾ Подробнѣе о „епископахъ“ въ языческомъ мірѣ см. у Bruders. Die Verfassung d. Kirche von den ersten Jahrzehnten d. apostolisch. Wirksamkeit an bis zum Jahre 175 (католич. проповѣданіе). S. 360. 363. Mainz. 1904.

мятникъ, какъ *Λιβαχῆς*, прекрасно разъясняетъ—въ чемъ дѣло. Здѣсь (гл. 15, ст. 1—2) заповѣдуются христіанамъ: „не показывайте пренебреженія къ епископамъ ¹⁾, они должны почитаться вами вмѣстѣ съ пророками и дидаскалами (т. е. харизматическими лицами); ибо они совершаютъ для васъ служеніе пророковъ и дидаскаловъ“. Итакъ писатель этого памятника требуетъ почтенія для епископовъ на томъ основаніи, что они стали исполнять въ общинѣ служенія пророковъ и дидаскаловъ. Другими словами: здѣсь предписывается оказывать епископамъ ту честь, которая доселѣ принадлежала другимъ лицамъ—пророкамъ и дидаскаламъ. Это значитъ, что теперь, когда писалъ авторъ *Λιβαχῆς*, епископы стали замѣнять собою этихъ послѣднихъ, принявъ на себя ихъ миссію. Такъ дѣйствительно и было. Тотъ же памятникъ даетъ разумѣть, что въ иныхъ мѣстахъ, въ иныхъ церквахъ, уже не встрѣчалось пророковъ (13, 4). Отчегоже это произошло? Да оттого, что вообще весь классъ страстующихъ апостоловъ (не учениковъ Христа), пророковъ и дидаскаловъ съ теченіемъ времени, какъ мы знаемъ, началъ атрофироваться: онъ умиралъ медленною смертію подобно тому, какъ умираетъ престарѣлый человѣкъ. Вотъ наслѣдствомъ отъ этихъ-то вымирающихъ, и постепеннымъ упадкомъ христіанскаго энтузіазма, пророковъ и дидаскаловъ и воспользовались епископы. Оно перешло къ нимъ, потому что епископы были самыми видными представителями общины, послѣ пророковъ и дидаскаловъ (*ibid.* 15, 1). Это было чрезвычайно выгодно для епископскаго авторитета. Они стали пользоваться такимъ же почетомъ, какимъ доселѣ пользовались пророки и дидаскалы, эти важныя лица, дѣйствовавшія во имя св. Духа. Наслѣдіе, доставшееся епископамъ отъ пророковъ и дидаскаловъ, было очень значительно. Пророки и дидаскалы были проповѣдниками въ общинахъ, они были наставниками въ „правдѣ и знаніи Господа“ (*ibid.*, 11, 2). Стать на мѣстѣ этихъ пророковъ и дидаскаловъ значило занять то видное положеніе, которое занимали вымиравшіе пророки и учителя. Эти послѣдніе мужи были, какъ

¹⁾ Правда въ указанномъ мѣстѣ „Ученія 12-ти“ наряду съ епископомъ упоминается и діаконь, но послѣдующая исторія своимъ теченіемъ отторгла діаконатъ отъ епископата.

ихъ и называли, глаголавшіе слово Божіе (Евр. 13, 7). Теперь же, съ исчезновеніемъ специфическихъ проповѣдниковъ, такими должны были сдѣлаться епископы. Они стали возвѣстителами „здраваго слова“ (Тит. 2, 8), чѣмъ доселѣ были харизматическіе учителя. Пророки и дидаскалы, по своей задачѣ, не были проповѣдниками мѣстными; они принадлежали многимъ или всѣмъ церквамъ, почему и были странствующими. Занявъ мѣсто этихъ лицъ, сами епископы такимъ образомъ являлись вождями не одной своей церкви, а подобно харизматическимъ учителямъ, представителями всей церкви. Положеніе вещей, совершенно независимо отъ личной воли епископовъ, создавало условія, очень благоприятныя для развитія ихъ авторитета. Они стали учить въ церкви, какъ доселѣ это дѣлали пророки и дидаскалы. Но спрашивается: развѣ раньше этого времени епископы не учительствовали въ церкви? Ап. Павелъ въ Пастырскихъ посланіяхъ требуетъ отъ епископовъ учительности (1 Тим. 3, 2. Тит. 1, 9), но послѣдующая церковь не настаивала на проявленіи этого качества. Это и понятно: институтъ апостоловъ, пророковъ и дидаскаловъ, который существовалъ такое продолжительное время съ его миссіею „глаголать слово Божіе“, т. е. учить христіанъ, дѣлалъ не столь настоятельною потребность въ учительности епископата. Памятникъ: *canones ecclesiastici*, рисующій положеніе церкви конца II вѣка, говоря о требованіяхъ по отношенію къ епископу, замѣчаетъ: „если епископъ безграмотенъ (*ἀγροῦμιτος*), то онъ долженъ быть, по крайней мѣрѣ, кротокъ“ и т. д. ¹⁾ Подобнаго же рода замѣтку находимъ въ такъ наз. постановленіяхъ апостольскихъ, гдѣ говорится: „да будетъ епископъ, если возможно, обученъ, а если онъ будетъ безграмотенъ (*ἀγροῦμιτος*), то да будетъ“ и проч. (Кн. II, гл. 1). Примѣры епископовъ, не имѣвшихъ никакого образованія, неучей, очень нерѣдки въ древнѣйшей церкви ²⁾. Слѣдовательно: если волю судебъ епископы, будучи поставлены на мѣстѣ про-

¹⁾ Harnack. Die Quellen der apostolisch. Kirchenord. S. 10.

²⁾ Намъ извѣстно не мало поразительныхъ примѣровъ совершенной необразованности епископовъ (А. Лебедева. Духовенство древней церкви Стр. 280). Правда эти примѣры относятся къ III вѣку, но тѣмъ печальнѣе, конечно, было положеніе епископата въ указанномъ отношеніи раньше, во II вѣкѣ.

ковъ и дидаскаловъ, съ тѣмъ вмѣстѣ начинаютъ дѣло новое для нихъ—учить народъ, то въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего удивительнаго и спорнаго ¹⁾. Къ сожалѣнью, мы мало знаемъ такихъ епископовъ, которые носили бы на себѣ ясныя слѣды той переменъ въ положеніи епископовъ, о которой у насъ рѣчь. Но однакожъ мы не лишены возможности привести примѣръ двухъ епископовъ II вѣка, которые жили на рубежѣ, отдѣляющемъ церковь съ пророками и дидаскалами отъ церкви, въ которой мѣсто этихъ лицъ въ извѣстномъ отношеніи только—что занято епископами. Разумѣемъ двухъ епископовъ малоазійскихъ II вѣка: Поликарпа смирнскаго и Мелитона сардійскаго, о которыхъ дается понимать въ источникахъ, что они (по терминологіи *Лидасхѣ*) „исполняли служеніе пророковъ“, хотя они несомнѣнно были епископами; о Поликарпѣ даже замѣчено, что онъ былъ не только пророкомъ, но и дидаскаломъ (Евсевія. Церк. Ист. IV, 15; V, 24).

Итакъ епископы, занявъ мѣсто прежнихъ пророковъ и дидаскаловъ, усвоили важное отличіе въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ они были до сихъ поръ. Они стали вождями христіанскихъ обществъ въ ученіи. Съ этихъ поръ, приблизительно съ конца II вѣка, первымъ предикатомъ епископскаго званія стало учительство. Постановленія Апостольскія, опредѣляя признаки епископа, на первомъ мѣстѣ ставятъ: онъ есть „служитель слова“ (II, 26) ²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ епископы въ качествѣ наслѣдства отъ прежнихъ пророковъ и учителей получили и многое другое, весьма существенное. Если впоследствии епископы стали называться „первосвященниками“ (ibid. II, 19), то это есть наслѣдіе послѣ пророковъ, которымъ было усвоено это имя ³⁾. Если съ конца II вѣка начинаетъ упоминаться кафедра епископовъ (и пресвитеровъ) ⁴⁾, то можно утверждать, что это та самая кафедра, на которой

¹⁾ Интересно, что по повѣстію историковъ даже въ IV в. римскіе епископы не имѣли обычая проповѣдовать въ церкви. Cassiodori. Historia tripart., lib IX, cap 38—39.

²⁾ *Сирская дидаскалія* очень опредѣленно теперь указываетъ: въ чемъ должно было выражаться „учительство“ епископа въ III в. Die Syrische Didascalia—von Achelis. S. 15—17. Leipz. 1904.

³⁾ „Они (пророки) первосвященники ваши“ *Ученіе 12 ти*, XIII. 3.

⁴⁾ Gradus sacerdotii—cathedra doctoris (Оригенъ). Это и другія свѣдѣтельства указаны у Harnack'a. Die Lehre der Zwölf. S. 155.

первоначально возсѣдали пророки и дидаскалы¹⁾. Если въ памятникахъ часто упоминается о начаткахъ (Постан. Апост., Прав. Апостольск., Оригенъ)²⁾, какъ нормальной принадлежности епископа, то изъ *Λιδαχή* мы знаемъ (гл. 13), что начатки ранѣе назначались для вознагражденія пророковъ. Вотъ и инвентарь того наслѣдства, которое получили епископы, за смертію пророковъ и дидаскаловъ.

Замѣтимъ, что всѣ эти опредѣленія епископской должности, какія мы перечислили и разъяснили выше, сами по себѣ, быть можетъ, нѣ абсолютно новы: они—*explicitе* или *implicitе* были уже даны въ Пастырскихъ посланіяхъ, но только они раскрывались путемъ жизненнаго развитія въ теченіе исторіи и получили здѣсь—съ постепенностію—свой должный смыслъ. Съ указаннымъ наслѣдствомъ епископаты вскорѣ достигаютъ той высоты, на какой онъ и остается въ исторіи церкви.

Теперь попытаемся, на основаніи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи скудныхъ данныхъ, представить себѣ тотъ историческій процессъ, чрезъ который прошелъ епископаты, чтобы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Процессъ этотъ показываетъ, какимъ образомъ епископскій институтъ, обладая сначала второстепеннымъ и даже третьестепеннымъ значеніемъ въ церковной общинѣ, наконецъ сталъ во главѣ этой послѣдней. Ап. Павелъ въ посланіи къ коринѳянамъ (около 57 г.) говоритъ: „иныхъ Богъ поставилъ въ церкви во первыхъ апостолами, во вторыхъ пророками, въ третьихъ учителями; далѣе и намъ далъ силы чудодѣйственныя, также дары исцѣленій, вспоможеніе, *управленія*, разные языки“ (1 Кор. 12, 28). Если здѣсь подъ именемъ лицъ, которымъ принадлежитъ управленіе (*κυβερνήσεις*), станемъ разумѣть такихъ предстоятелей церкви, которые потомъ получили наименованіе епископовъ, какъ дѣлаютъ лучшіе комментаторы этого апостольскаго мѣста (Гарнакъ), то для насъ открывается, что около 57 года епископы стояли очень не высоко на лѣстницѣ церковнаго предствоятельства. Они стояли не только ниже харизматическихъ учителей, но и двухъ—трехъ классовъ лицъ, обладавшихъ особливими чрезвычайными даро-

1) О каедрѣ пророка говоритъ Эрмъ. „Заповѣди“. XI, 1.

2) Подробнѣе у А. Лебедева. Духовенство древн. церкви, 402—403.

ваніями; они, можно сказать, отнесены апостоломъ не болѣе, какъ къ третьему разряду церковнаго чиновначалія. Спустя лѣтъ пять послѣ этого, тотъ же апостолъ въ посланіи къ ефесянамъ даетъ новый списокъ предстоятелей церковныхъ, болѣе краткій (потому что въ немъ не упомянуты лица, обладавшія чрезвычайными дарованіями) и въ этомъ перечнѣ „пастыри“, подъ которыми будемъ разумѣть епископовъ, занимаютъ второстепенное мѣсто, послѣ трехъ степеней харизматическихъ учителей (Ефес. 4, 11). Положеніе дѣла въ общемъ осталось безъ переменъ ¹⁾. Затѣмъ въ исторіи нашего вопроса замѣчается большой пробѣлъ. Обращаемся къ срединѣ II вѣка. Въ такъ наз. „Ученіи двѣнадцати апостоловъ“ церковное предстоительство представлено въ яркой и довольно полной картинѣ. Первое мѣсто отводится здѣсь извѣстнымъ харизматическимъ учителямъ (гл. 11. 13), а второе по нимъ епископамъ съ діаконами (гл. 15). Видно, что удержались еще порядки апостольскаго времени (такъ было, вѣроятно, въ Египтѣ). Нормирующимъ началомъ, по этому памятнику, представляются въ церкви харизматическіе учителя: не харизматическіе учителя берутъ примѣръ съ епископовъ, а епископы съ этихъ послѣднихъ, ибо они заслуживали уваженія, какъ лица, подражающія (исполняющіе) служенію пророковъ и дидаскаловъ (XV, 1—2). Но въ тоже время, когда появился памятникъ: „ученіе 12-ти“ или даже ранѣе того, въ важнѣйшей изъ церквей—римской замѣчается сильное теченіе, очень неблагопріятное для харизматическихъ учителей и выгодное для епископата. Разумѣемъ эпоху написанія книги „Пастыря“ Эрмомъ. Правда въ этомъ сочиненіи, когда перечисляются лица, составляющія церковное представительство, первое мѣсто, по обычаю, отводится харизматическимъ учителямъ, а уже послѣ нихъ упоминается епископъ съ діакономъ („Подобія“, IX, гл. 25—27); но съ другой стороны ясно открывается, что лучшая пора харизматическихъ учителей невозвратно прошла. Эрмъ много непохвального приписываетъ пророкамъ, онъ находитъ въ нихъ „духъ земной, легкомысленный, лишенный силы“. По Эрму,

¹⁾ Въ Пастырскихъ посланіяхъ почему-то нѣтъ рѣчи и мѣста для харизматическихъ учителей, что въ настоящемъ случаѣ было бы для насъ очень важно.

пророки, „будучи суетными, суетно и отвѣчаютъ суетнымъ людямъ“. Онъ даже ставитъ имъ въ вину, что они „желаютъ имѣть предсѣдательство“. („Заповѣди“, XI). Имъ, какъ видимъ, отказываютъ въ томъ, на что они имѣли право—быть впереди другихъ, находиться во главѣ прочихъ. Мало того: въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда Эрму приходится одновременно говорить о епископѣ и харизматическомъ учителѣ, этотъ писатель, не согласно съ обычаемъ, епископу отводитъ высшее мѣсто въ сравненіи съ харизматическимъ учителемъ („Видѣнія, III, гл. 5). Видно много признаковъ, что въ это время въ Римѣ и можетъ быть вообще на Западѣ честь и слава харизматическихъ учителей блекнуть и уменьшаются, а авторитетъ епископата растетъ на ихъ счетъ. Епископы восхваляются за то, что „живутъ всегда непорочно“ („Подобія“, IX, 27). Видимо пришелъ конецъ для харизматическихъ учителей, и главнымъ образомъ для пророковъ.—Послѣ этого, о нихъ нѣтъ рѣчей въ томъ родѣ, какъ это видимъ въ „Ученіи 12-ти“. *Canones ecclesiastici* знаютъ епископовъ, пресвитеровъ, діаконовъ, но молчатъ о пророкахъ и дидаскалахъ. Значитъ, въ концѣ II вѣка, на Востокѣ они уступили свое высокое мѣсто епископамъ. Въ „правилахъ Ипполита“ нѣтъ ни слова о пророкахъ и учителяхъ. Значитъ, въ концѣ II и началѣ III вѣка, на Западѣ или уже забыли или начали забывать о нихъ. Во главѣ общины, по правиламъ Ипполита, стоитъ епископъ съ прочими иерархическими лицами. Переворотъ совершился. „Первые стали послѣдними“. Исторія не знаетъ пощады!

О происхожденіи діаконата наша рѣчь будетъ коротка. Обыкновенно думаютъ, что діаконатъ возникъ въ іерусалимской церкви, ранѣе всѣхъ другихъ иерархическихъ степеней. Мы не раздѣляемъ этого воззрѣнія. Когда утверждаютъ, что діаконатъ возникъ въ Іерусалимѣ, тогда ссылаются на извѣстную исторію избранія апостолами семи мужей, которые должны были замѣнить апостоловъ при раздачѣ пособій бѣднымъ изъ церковнаго достоянія (Дѣян. VI, 1 — 5). Но если мы рассмотримъ, когда это было и сколько продолжалось, то увидимъ, что служеніе этихъ „семи“ въ цѣляхъ „ежедневнаго раздаянія потребностей“ продолжалось очень короткое время. Нужно помнить, что въ Іерусалимѣ сдѣлана была попытка устроить христіанскую общину на началахъ общенія

имѣній (коммунизмъ). Вотъ при этомъ-то случаѣ и понадобилось избрать семь мужей, которые должны были сдѣлаться главными распорядителями при раздачѣ всего нужнаго лицамъ нуждающимся. Какъ скоро по сошествіи Св. Духа зведено было общеніе имѣній въ Іерусалимѣ, мы не знаемъ; но во всякомъ случаѣ оно длилось недолго. Черезъ пять лѣтъ, по сошествіи Св. Духа, воздвигнуто было гоненіе на христіанъ со стороны іудеевъ, при чемъ христіане должны были временно покинуть Іерусалимъ; когда же они снова возвратились въ городъ, а это произошло въ томъ же году, общеніе имѣній не возстановлялось, коммунизмъ окончился. Съ этимъ вмѣстѣ кончилась и миссія семи пещися о „раздаяніи потребностей“. Далѣе, какъ видно изъ книги Дѣяній (гл. 8), напримѣръ, одинъ изъ нихъ, Филиппъ, дѣйствуетъ, какъ могущественный харизматическій учитель, а не какъ діаконъ. Къ разряду харизматическихъ лицъ слѣдуетъ вообще относить этихъ семь мужей. Посмотримъ, какъ описывается въ книгѣ Дѣяній (6, 3) одинъ изъ семи—Стефанъ: онъ „исполненъ (былъ) силы и вѣры, совершалъ великія чудеса и знаменія въ народѣ“. Это ужъ не діаконъ, а лице „апостольскаго“ достоинства. При этомъ нужно помнить, что указанные семь мужей въ книгѣ „Дѣяній“ не называются діаконами. Названіе діаконѡвъ приписано имъ совершенно произвольно въ позднѣйшее время. Діаконѡ, по нашему глубокому убѣжденію, появились впервые тамъ же, гдѣ появились и епископы: не въ іерусалимской церкви, а въ церквахъ, образовавшихся изъ обращенныхъ язычниковъ. Такъ, безъ сомнѣнія, и было. По всѣмъ источникамъ, діаконъ является ближайшимъ и постояннымъ сотрудникомъ епископа. Онъ раздѣлялъ въ древности всѣ функціи епископа: онъ участвовалъ въ богослуженіи, совершаемомъ епископомъ, помогалъ матеріально бѣднымъ, посредствовалъ въ сношеніяхъ между епископомъ и другими церквами и пр. Епископъ не могъ обходиться безъ діакона. Возникновеніе епископата само собою вело къ появленію діаконата. Діаконъ былъ младшимъ братомъ епископа. Въ древности какая-нибудь небольшая община могла не имѣть пресвитеровъ, но безъ діакона обойтись она не могла. Св. Епифаній, епископъ Кипрскій, пишетъ: „гдѣ (въ какой либо общинѣ) не оказывалось человѣка достойнаго епископства, тамъ мѣсто оставалось безъ епископа;

гдѣ же была нужда и были люди достойные епископства, тамъ поставляемы были епископы. Если народа было немного и изъ нихъ не кого было ставить во пресвитеры, то довольствовались однимъ мѣстнымъ епископомъ. А безъ діакона епископу быть невозможно“, заявляетъ св. отецъ ¹⁾. Слѣдовательно, если діаконатъ есть необходимое восполненіе епископата, то онъ и могъ возникнуть тамъ, гдѣ впервые появились епископы. А такъ какъ епископы впервые появились, какъ мы знаемъ, въ странахъ языческаго міра, то тамъ же нужно искать и первыхъ христіанскихъ діаконѳвъ, наприм. въ Македоніи, (въ Филиппахъ. Филип. 1, 1) и въ Малой Азіи (Пастырскія посланія).

Такова была первая стадія развитія діаконата. Все обѣщало ему блестящую будущность. Но не такъ было на дѣлѣ. Дальнѣйшее развитіе діаконата не было благопріятно для него. Въмѣсто того, что бы расти, онъ сталъ малиться. Какъ мы уже знаемъ, съ теченіемъ времени епископы высоко поднялись, но діаконы не послѣдовали за ними, а далеко остались позади. Отчего это зависѣло? Историческій процессъ не далъ діаконамъ ничего изъ того, чѣмъ воспользовались епископы. Разумѣемъ наслѣдіе, оставшееся отъ такъ наз. харизматическихъ учителей (пророковъ и пр.). Этимъ наслѣдіемъ воспользовались епископы, на долю же діаконѳвъ ничего не пришлось. Какъ скоро это наслѣдство миновало діаконатъ, діаконы мало стали походить на епископѳвъ, потеряли сродство съ ними и вслѣдствіе того отторглись отъ близкой связи съ епископатомъ. Они сильно отстали въ развитіи отъ епископата ²⁾. Причинъ такого явленія набиралось немало. Во первыхъ, епископы съ исчезновеніемъ харизматическихъ учителей, въ виду потребности времени, сдѣлались истолкователями слова Божія и христіанскаго ученія съ церковной кафедрой. А это намного возвысило ихъ авторитетъ. Примѣру епископа, хоть и не скоро, послѣдовали пресвитеры. Что же касается діаконѳвъ, то они остались въ сторонѣ отъ этой

¹⁾ Св. Епифанія „О ересяхъ“. Ересь 75, гл. 4 (въ русскомъ переводѣ твореній его, 7. 5). Правда Епифаній—писатель IV вѣка, но не сталъ бы онъ сочинять не былицъ.

²⁾ *Sacerdotes ecclesiastici* уже ясно помѣщаютъ діакона ниже пресвитера. Harnack. *Die Quellen u. s. w.* S. 57.

функціи въ первые три вѣка, отъ какихъ бы причинъ это не зависѣло. Такимъ образомъ діаконъ отрывался отъ епископа, уступая мѣсто другимъ лицамъ. Ясно, что діаконамъ оставалось только занять слѣдующее низшее мѣсто. Къ указанной причинѣ присоединились и другія. Епископовъ стали уподоблять—ветхозавѣтнымъ первосвященникамъ, пресвитеровъ—священникамъ, а діаконовъ—левитамъ. (Постан. Апост. II, 25, ad fin). А такъ какъ левиты имѣли второстепенное церковное значеніе, то подобная аналогія повела къ уничтоженію самого діаконата. Отъ такихъ - то и подобныхъ причинъ произошло то, что діаконы не возвысились вмѣстѣ съ поднятіемъ значенія епископа, а принуждены были занять свое скромное мѣсто на іерархической лѣстницѣ.

Обращаемся къ вопросу о происхожденіи пресвитерства. Кто такіе были пресвитеры первоначальнаго христіанства? Подъ понятіе пресвитеровъ тогда подходило много классовъ людей. Пресвитерами назывались старцы, принявшіе христіанство въ зрѣлыхъ лѣтахъ, христіане давно принявшіе христіанство и состарѣвшіеся въ исповѣданіи новой религіи, всѣ вообще первообращенные въ какой либо общинѣ христіане, люди вліятельные въ этой послѣдней (достаточные благотворители); могли называться почетнымъ именемъ пресвитеровъ и всѣ лица, исполнявшія опредѣленные церковныя обязанности или иначе сказать лица должностныя въ христіанской общинѣ, наприм. епископы ¹⁾. Въ виду того, что подъ понятіе пресвитеровъ подходило много лицъ въ данной христіанской общинѣ, на языкѣ первохристіанскомъ употребленіе слова пресвитеръ въ единственномъ числѣ почти не встрѣчалось, оно употреблялось большею частію во множественномъ числѣ. Это и понятно. Пресвитеры выступаютъ на сцену тогда, когда нужно было подать совѣтъ или вынести опредѣленное рѣшеніе. Пресвитеры составляли коллегію, которой принадлежало рѣшеніе какого либо труднаго вопроса въ церкви, она выступала, когда нужно было произвести судъ, подать нужный совѣтъ и т. д. Пресвитерству больше всего принадлежала дисциплинарная часть въ церковномъ управленіи. Само собою понятно, что пресвитеры не были избираемы общиною и не были назначаемы

¹⁾ Bruders. Die Verfassung der Kirche. S. 380. 382. 384.

кѣмъ либо на эту должность. Пресвитерство, какъ видно изъ книги Дѣяній, впервые въ опредѣленной формѣ появилось на почвѣ іудейской, въ самомъ Іерусалимѣ, на первыхъ же порахъ христіанской церкви здѣсь (Дѣян. гл. 11, ст. 30). Пресвитеры составили изъ себя нѣчто подобное іудейскому синедріону послѣ того, какъ христіане выдѣлились изъ состава іудейскаго народа и образовали самостоятельную религіозную общину. Привычка видѣть во главѣ своей прежней общины синедріонъ побудила христіанъ изъ іудеевъ завести у себя подобіе синедріона. Такъ могъ возникнуть іерусалимскій пресвитерій. Что касается самого названія этого, то книги Новаго завѣта можно сказать испещрены наименованіями: „старцы, старѣйшины“, а поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что передовыя лица христіанскаго общества въ Іерусалимѣ получили это имя. Можно утверждать, что изъ общаго числа пресвитеровъ іерусалимскихъ нѣкоторые принимали на себя чисто-церковныя функціи, наприм. молитвенное помазаніе больныхъ (Іак. 5, 14). Въ этомъ случаѣ, они получали „наименованіе пресвитеровъ церковныхъ“. Но участвовали ли они, эти пресвитеры церковныя, въ общественномъ богослуженіи апостольскаго времени—мы не знаемъ. Такихъ свидѣтельствъ—нѣтъ. Во всякомъ случаѣ съ несомнѣнностію можно полагать, что пресвитерство церковное впервые появилось на почвѣ іудейско-іерусалимской. Возможное дѣло, что этому сильно содѣйствовало обращеніе „многихъ“ іудейскихъ священниковъ въ христіанство (Дѣян. 6, 7). Быть можетъ, они-то и составили первыхъ церковныхъ пресвитеровъ? Изъ Іерусалима этотъ институтъ легко и удобно могъ распространиться по христіанскому Востоку. Въ Пастырскихъ посланіяхъ можно уже находить слѣды пресвитерства церковнаго (1 Тимое. 5, 1), хотя наряду съ этимъ здѣсь говорится и о пресвитерахъ-епископахъ (Тит. 1, 5—7), и пресвитерахъ—старцахъ вообще (Тит. 2, 2). Какъ явленіе іудео-христіанскаго характера, институтъ церковнаго пресвитерства особенно успешно прививается въ Сиріи, малой Азіи, вообще на Востокѣ. Медленнѣе на Западѣ. Во времена мужей Апостольскихъ этого рода пресвитерство является прочно утвердившимся въ Сиріи и Малой Азіи. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ въ свидѣтельствахъ мужей Апостольскихъ опредѣленнаго

указанія ¹⁾ на то, участвовали-ли пресвитеры этого времени въ общественномъ богослуженіи, въ качествѣ непремѣнныхъ совершителей его. Пресвитеры этого времени дѣйствуютъ коллегіально и единодушно, но яснѣ всего обозначаются лишь судебныя и дисциплинарныя ихъ функціи. Какъ пресвитеры этой эпохи достигали своей должности—остается неяснымъ. Вѣроятно, ихъ избиралъ и поставлялъ епископъ; участіе народа въ выборѣ пресвитеровъ не видно.

Когда пресвитеры получили свое главное отличіе участвовать активнѣ въ общественномъ богослуженіи—не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, судя по содержанію памятника: *capones ecclesiastici*, можно утверждать, что въ концѣ II вѣка пресвитеры обладали этимъ правомъ; въ предстояніи епископа, они уже принимали дѣятельное участіе въ совершеніи евхаристіи. Такъ было на Востокѣ. Изъ „правилъ“ же Ипполита открывается, что или въ концѣ II вѣка или въ началѣ III-го, пресвитеры и на Западѣ въ предстояніи епископа активно могли участвовать въ совершеніи литургіи (случалось даже, что они въ это время служили литургію и безъ епископа).

Вотъ и все, что мы можемъ сказать о развитіи пресвитерата въ I—II вѣкахъ. Еще должно было пройти немало времени, прежде чѣмъ пресвитеръ сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова помощникомъ епископа, его *alter ego*. Въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ, пресвитеры не имѣли ни права, ни обязанности поучать съ церковной кафедры христіанскимъ истинамъ; они не могли самостоятельно совершать богослуженіе ни въ городѣ, ни въ селѣ: каждый разъ они должны были получать для этого особое разрѣшеніе отъ предстоятеля церкви. Тогда еще не было ни независимыхъ приходоу въ городахъ, ни сельскихъ церквей. Паствы у пресвитера не было. Пастыремъ считался только епископъ. Пресвитерій состоялъ при немъ въ качествѣ совѣта и свиты. Эти права, какихъ не было у пресвитеровъ I—II вѣка, они пріобрѣтаютъ постепенно. Но раскрытіе этого вопроса выходитъ за предѣлы нашей задачи ²⁾.

А. Лебедевъ.

¹⁾ А. Лебедева. Духовенство древней церкви, стр. 61—65.

²⁾ См. впрочемъ: А. Лебедева. Духовенство древней церкви. Стр. 158—70.